

Соколова М. Е.

МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА AUCH И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 116-119. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

начала XX веков претендовала на то, чтобы ее считали правдой (эта претензия часто имела свое воплощение в действительности), то у сегодняшних идеологов подобных претензий нет. Подавляющая часть современного общества ни к одной из идеологий вообще не относится серьезно, но не отказывается им следовать.

Само наличие в обществе нескольких идеологических направлений указывает, казалось бы, на наличие в основе современного общества идеи свободы, но каждая способная к рефлексии личность сознает, что эта «идея свободы» скрывает особую форму эксплуатации, тем не менее, продолжает ей следовать. Эту сегодняшнюю ситуацию подробно описывают С. Жижек, А. С. Панарин и другие.

Бессознательная социальная несвобода, таким образом, уступает сегодня место сознательной несвободе. Этот социальный процесс Достоевский отразил еще в XIX веке в «Легенде о Великом инквизиторе», определив подобный путь социального развития как тупиковый и одновременно признав, что общество без идеи, а, следовательно, ее политического воплощения - идеологии, не только не существует, но и не зарождается.

Истинная свобода может быть только способностью самосознания, независимостью самосознания от всего, что вне его, и, как вслед за Достоевским считал П. И. Новгородцев, «если человек не может найти полного удовлетворения общественным строем, то он не мог бы получить его и вне этого строя» [Новгородцев 1995: 346].

Итак, свобода, по мнению Достоевского, - это высшая ценность, в которой человек подобен Богу, но она амбивалентна, потому что в ней самой таится опасность ее уничтожения. Следовательно, совершаемое человеком социальное зло есть доказательство того, что личности присуща свобода воли, составляющая её онтологическое основание и доказывающая Божественное происхождение человека.

Список использованной литературы

1. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Русская идея. - М.: АСТ, 1999.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. - М.: Современник, 1989.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. - М.: Художественный журнал, 1999.
4. Новгородцев П. И. Сочинения. - М.: Раритет, 1995.
5. Панарин А. С. Политология. - М.: Проспект, 2000.
6. Шаповалов В. Ф. Краткая характеристика философии Достоевского // Достоевский - наш современник. - М.: ТЕИС, 2000.

МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *AUCH* И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Соколова М. Е.

Волгоградский государственный педагогический университет

Посвящая данное исследование всего лишь одной частице, мы, тем самым, отдаем дань лингвистической традиции в рассмотрении некоторых классов неоднозначно трактуемых языковых единиц, отличающихся сложностью и противоречивостью, но представляющих стабильный научный интерес в связи с интенсивной разработкой проблем реального использования языка в социально-практической деятельности людей. Значительное количество отечественных и зарубежных практически ориентированных исследований, касающихся одной или нескольких частиц [Bastert 1985; Görnig-Gerhard 1985 и др.], а также многочисленные работы общетеоретического характера не означают, однако, полной разработанности проблемы модальных частиц в немецком языке. Данный интерес, наоборот, свидетельствуют об ее актуальности, а также о полемичности многих точек зрения в этой области [Dahl 1988; Helbig 1990; Пророкова 1991 и др.].

Абсолютное большинство авторов единодушно при интерпретации модальной частицы *auch* (в дальнейшем МЧ). Ей традиционно приписывается выражение эмоциональных состояний человека - удивления, упрека, раздражения, досады (причем, преимущественно в предложениях повествовательного характера) [Пророкова 1991: 24], а также различных оттенков сомнения: сомнения-просьбы, сомнения-озабоченности, сомнения-угрозы и др. (в предложениях общепросительного и частнопросительного типа) [Dahl 1988: 50]. Несмотря на то, что данная характеристика МЧ *auch* - явно неполная и недостаточная для описания и объяснения ее сущности (о чем свидетельствуют попутные замечания отечественных лингвистов о «непереводимости» МЧ *auch* на русский язык [Заикин 1985: 88], некоторые работы содержат важные замечания о том, что введение данной МЧ в высказывание настраивает слушающего на положительный ответ, suggeriert ответную реакцию партнера [Пророкова 1991: 24]. Поэтому нашей задачей явилось выяснить, какую же «установку» дает говорящий модальной частицей *auch* коммуникативному партнеру, что лежит в основе данной установки. Другими словами, какова же лексическая сущность данной МЧ и каким образом она эксплицируется в речевом общении.

В отличие от традиционной точки зрения на МЧ как выразителей категории субъективной *модальности* (о чем свидетельствует, кстати, терминологическая общность, а также необоснованное причисление МЧ к совершенно иному классу языковых единиц - модальным словам), мы, в решении данной проблемы исходим из других теоретических предпосылок, представляющихся нам достаточно обоснованными для проведения лингвистического анализа.

МЧ, согласно нашей концепции, представляют собой не *модальные*, а *дейктические* единицы языка, осуществляющими имплицитное указание на пласт «скрытой семантики» высказывания. Данные частицы,

куда относятся, кроме *auch* еще целый ряд частиц: *denn, vielleicht, ja, bloß, mal* и др., способны осуществлять дейктическую отсылку к релевантным для собеседников в конкретном контексте внеязыковым смыслом с целью поддержания успешности коммуникации. Однако, в отличие от других элементов инвентарного состава совокупного дейксиса, сущность дейктического указания МЧ заключается в смещении вектора указательности с традиционных эксплицитных параметров речевой ситуации (персонального, локального, темпорального) на необходимый в любом высказывании имплицитный компонент, или предпосылки высказывания.

Более того, суть МЧ как дейктических единиц состоит не только в том, чтобы просто указывать на непрерывно происходящее в процессе общения сопоставление прагматических пресуппозиций собеседников, но и выражать *результаты* этого сопоставления в виде фиксированного указания на их совпадение или несовпадение. Результат сопоставления пресуппозиций коммуникантов обязательно становится основанием для оперативной положительной или отрицательной оценки с точки зрения его соответствия социально или индивидуально детерминированному понятию нормы, а данные оценки при определенных коммуникативных условиях могут вызывать, в свою очередь, появление различных модальных оценок, различающихся определенной степенью экспрессивности. Таким образом, весь спектр функций, которые реализуют МЧ, является производным от их языкового значения, реализующегося в конкретном акте общения как совокупности условий понимания высказывания.

Эмпирические данные позволяют сделать вывод о том, что МЧ *auch*, в рамках нашей концепции, осуществляет указание на *совпадение* пресуппозиций говорящего и реальной речевой ситуации, которое подчеркивает ожидаемое и закономерное течение событий и лишней раз констатирует само собой разумеющееся. Примеры из диалогических текстов художественной литературы и устных диалогов и полилогов коммуникантов наглядно демонстрируют сказанное:

1. *Seidel: Exakt wie ein Uhrwerk, hundert Prozent zuverlässig!*

Dr. Carlsen: Also können Sie doch absolut zuverlässig sein.

Seidel: Bin ich ja auch, Herr Oberarzt, bin ich ja auch, nur sehen Sie, in jedem Uhrwerk kann es mal knacksen.

Dr. Hirsch: Sie erlauben, bei Professor Mamlock wird es nie „knacksen“ (Wolf 1976: 266).

2. *Leni: Ich wollt Sie doch nicht beleidigen.*

Karl: Das können Sie auch nicht. Weil Sie mir sympathisch sind (Spectaculum 22, 1975: 234).

В примере 1, говорящий (*Seidel*) соглашается с мнением коллеги о том, что доктор Мамлок (о котором идет речь в данном разговоре), является в самом деле образцом точности и надежности (потому-то его и сравнивают с часами: точен как часы). Так как данный факт является общеизвестным и неоспоримым и в подтверждении не нуждается, МЧ в реплике: «*Да я и так совершенно уверен*» выполняет функцию констатации очевидного, констатации, в принципе, даже излишней в виду аксиоматичности самой пропозиции. В примере 2 молодой человек (*Karl*) на извинительную реплику девушки (*Leni*): «*Я не хотела вас обидеть*» совершенно бесстрастно отвечает: «*Да Вы и не сможете*», чем констатирует полное совпадение своей пресуппозиции с пресуппозицией собеседника, а также очевидность и неопровержимость сложившегося положения вещей.

Как видно из приведенных примеров, говорящий, заранее информированный о возможном течении речевой ситуации, используя МЧ *auch*, указывает не просто на наличие у него пресуппозиции по данному поводу: «*Я знаю доктора Мамлока очень давно как чрезвычайно надежного человека*» или «*Доктор Мамлок ни разу не дал усомниться в своей репутации как очень точного и надежного человека*» (возможные пресуппозиции к примеру 1), а также «*Вы не сможете меня обидеть, потому что на красивых девушек не обижаются*» (пресуппозиция к примеру 2), но и на то, что пресуппозиции говорящего совпадают с пресуппозициями собеседников. С помощью МЧ *auch* говорящий констатирует данную ситуацию не только как таковую в данный момент, и не только как имевшую прецедент: «*Доктор Мамлок и раньше был таким [надежным]*», «*Я никогда не обижался на красивых девушек [тем более, если девушка еще и нравится]*», но и как ситуацию, способную иметь «рецидив», то есть продолжение при определенных условиях. Таким образом, МЧ *auch* тяготеет к генерализированному указанию на совпадение пресуппозиций говорящего и типичных свойств речевой ситуации, общую схему которого можно представить следующим образом: «*я тоже знаю (так же как и вы), что «данная ситуация имеет место быть, т.к. она ожидаема и закономерна».*

В следующем примере (3) вторая реплика с МЧ представляет собой речевое действие констатив, в котором говорящий (*Hete*), на основании сопоставления фактов (физического состояния собеседника и его образа жизни в последнее время) делает далеко не лестное заключение обобщающего характера о внешнем виде партнера: «*То-то ты выглядишь таким потрепанным*».

3. *Hete: haste auch gehungert?*

Paul: Und ob.

Hete: Und wo haste ...gepennt?

Paul: Na, überall, bei Genossen, unter 'ner Brücke, auf den Bänken, wo man trocken liegt, durfte ich doch nicht, wo man mich sucht und mal auf 'nem Dach.

Hete: Siehst auch arg ruppig aus (Wolf 1976: 144).

Интересно, что прагматическая ценность МЧ *auch* в большей степени выявляется при ее элиминации в высказывании и сравнении ее с исходной репликой. В этом случае исследуемая реплика приняла бы вид: «*Siehst arg ruppig aus*» и означала бы на семантическом уровне: «*Ты выглядишь довольно потрепанным*».

(оборванным)», что представляло бы собой РА сообщения, характеризующийся, как известно, презентацией собеседнику определенной информации.

Иллокутивная цель говорящего в нашем примере - не сообщить нечто о внешнем виде партнера (то есть то, как он плохо выглядит), а констатировать совпадение действительного с ожидаемым (он и должен так выглядеть, потому что ...). Таким образом, общая схема интерпретации подобных реплик с МЧ *auch* следующая: «я констатирую» (иллокуция), что «нечто имеет место быть, так как другого не дано» (пропозиция), и «для этого имеются все причины (предпосылки, основания), являющиеся и для меня закономерными и ожидаемыми». Применительно к примеру 3 это звучит следующим образом: «Ты выглядишь оборванцем» (пропозиция), что «совершенно неудивительно при твоём образе жизни» (бродяжничество, голодание и т.д.) (пресуппозиция говорящего). Генерализованный характер дейктического указания с данной МЧ проявляется здесь в том, что данное указание на совпадение ситуации с пресуппозицией говорящего основывается не на индивидуальных особенностях восприятия говорящим объективной реальности, а на осмыслении им законов, норм и правил, диктуемых социумом. Поэтому за выводом автора реплики с МЧ *auch* стоит социальный опыт: «Если голодать и скитаться по улицам в поисках крова и пищи - поневоле будешь походить на оборванца».

Несколько иную, но только на первый взгляд, прагматическую картину представляют актуализации МЧ *auch* в высказываниях вопросительного характера, как, например, первая реплика в 3: «Ты, конечно же, голодал?». Анализ такого плана примеров позволяет, прежде всего, установить, что именно наличие МЧ *auch* в высказывании снимает, нейтрализует вопросительность как таковую, т.к. исходя из контекстных условий, очевидно, что говорящий совершает не речевой акт вопроса, а речевой акт констатации известного, прогнозируемого, ожидаемого. В реплике героини нет вопросительной интенции, т.е. цели получить ответ на запрос информации: «Голодал ли ты?», так как она к моменту речи уже частично владеет необходимыми для дальнейших умозаключений сведениями о своём собеседнике. МЧ здесь свидетельствует о «проницательности» говорящего, способного на основе знания экстралингвистической ситуации, а также личного и коллективного опыта стратегически правильно оценить настоящую коммуникативную обстановку, соответствующим образом на нее отреагировать и сделать вытекающие из нее выводы. Интерпретировать данную реплику и, подобные ей, можно, поэтому, следующим образом: «я констатирую» (иллокуция), что «ты голодал» (пропозиция), так как «я в курсе твоего образа жизни в последнее время», потому что «только такой образ жизни может наложить подобный отпечаток на твой внешний вид» (пресуппозиция), в чем «я тебе искренне сочувствую» (эмоциональная реакция).

Таким образом, функциональное различие между актуализацией МЧ *auch* в данной реплике (а также в аналогичных репликах, традиционно рассматриваемых в рамках формально-синтаксического подхода как вопросительные) и в ранее проанализированных (повествовательных) заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что в повествовательных репликах говорящий пытается просто компетентно прокомментировать речевое поведение партнера, аргументировать его ссылкой на коллективный опыт (особенно, если следует вербальный контекст) или подвести его под ряд аналогий как вполне закономерное, ожидаемое, общеизвестное. Вопросительные же по форме высказывания с данной МЧ характеризуются, как правило, сильной суггестивной направленностью, обусловленной намерением говорящего не только обозначить свое адекватное понимание сложившейся ситуации, но и стимулировать собеседника на положительный ответ, то есть на такой, который хотел бы услышать говорящий в настоящем контексте.

Вопреки попыткам многих ученых найти конкретные отличия в актуализации МЧ *auch* в общевпросительных и частновпросительных высказываниях, иной разницы, чем разницы в эмоциональной окраске посредством данной частицы пока найти не удалось (см. указанные выше работы). С нашей же точки зрения, данные различия весьма несущественны, так как оба типа вопросов с МЧ имеют одну общую иллокутивную функцию - констатацию говорящим очевидного, оформленную как вопрос с целью услышать подтверждение собеседника, вне зависимости от того, в каком эмоциональном состоянии коммуникативные партнеры в данный момент находятся: озабочены они или радуются, досадуют или переживают.

Рассмотрим далее случаи актуализации данной МЧ в спонтанных устных диалогах различного характера.

4: S1: Ja ... kommen auch manche Bücher gar nicht wieder?

S2: Das passiert auch schon mal, aber Gott sei Dank nicht so häufig, ... hauptsächlich auch bei Studenten, die ihren Wohnort verlegen und im Eifer des Gefechtes vermutlich vergessen, die Bücher wieder zurückzugeben (Interaktion PF0079, Transkript).

В приведенном примере (полуофициальная беседа с работником библиотеки) спрашивающий, основываясь на собственных знаниях и опыте и находя типичной ситуацию, когда читатели не возвращают взятые из библиотеки книги, прогнозирует и в данном случае сходную картину, позволяющую ему задать с помощью МЧ профилактический вопрос, доказывающий его компетентность в этой области: «Некоторые книги наверняка не возвращают?» Ответ библиотекаря теряет, поэтому свою остроту и новизну и приобретает лишь оттенок попутного комментирования общеизвестного печального факта: «Конечно, бывает, и, как правило, это касается студентов, которые часто переезжают и забывают сдать книги».

И в следующем примере (продолжение беседы с библиотекарем) автор инициирующей реплики, демонстрируя далее свою информированность и лишая библиотекаря инициативы, задает вопрос-констатацию: «Конечно же, и Франкисон Дэвис здесь выступал?».

5: S1: War da nicht auch noch einmal ein Franklison Davies?

S2: *Ja, ... er ist einmal hier bei uns gewesen und hat über ... Südafrika gesprochen, und ich glaube, dass ...die Zuhörer alle sehr gefesselt waren von seiner Art ... zu sprechen (Interaktion PF 0079, Transkript).*

Действительно, без МЧ *auch* вопросительные реплики корреспондента представляли бы собой чистые вопросы и по форме и по содержанию и воспринимались бы собеседником соответственно как: «Часто ли читатели книги не возвращают?» (4) и: «Не выступал ли здесь Франклинсон Дэвис?» (5). С помощью МЧ говорящий, описывая факт действительности, указывает на связь его с другими (схожими, аналогичными), имевшими место ранее или способными возникнуть в силу преемственности в будущем и сопровождает это своей эмоциональной интерпретацией. Модальные оттенки, например, сожаления (4) или удовлетворения (5) - что очевидно, не закреплены за репликами с МЧ ни синтаксически, ни семантически, они возникают у говорящего только после тщательной «проработки» и оценки всей речевой ситуации и уяснения для себя ее перспектив.

Подытоживая сказанное, необходимо заключить, что актуализация МЧ *auch* в текстах разных типов (письменных/устных), а также в различных функционально-стилистических разновидностях устных текстов (интервью, беседы, телефонные разговоры и т.д.) подчиняется общей тенденции реализации данной частей дейктического указания на совпадение пресуппозиции говорящего с настоящим (очевидным), прошлым (закономерным) или возможным в будущем (прогнозируемым) течением описываемых событий, разделяемым собеседником, обладающим равным с говорящим объемом знаний. Данная разновидность указания на совпадение, имеющая под собой *аргументативно-констативную* основу ввиду безусловной типичности лингвистической ситуации и ожидания соответственного адекватного восприятия ее партнером, в стратегическом плане направлена на дальнейшее продолжение коммуникации в конкретно заданном модальном ракурсе. Что же касается перевода МЧ *auch* на русский язык, то он может осуществляться каждый раз различными лексико-грамматическими средствами в зависимости от всех параметров конкретной коммуникативной ситуации.

Список использованной литературы

1. Заикин А. Е. Коммуникативно-прагматические функции немецких модальных частиц: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. - М., 1985. - 215 с.
2. Пророкова В. М. Слова - «приправы», слова - «заплатки». Модальные частицы в немецкой разговорной речи. - М.: Высшая школа, 1991. - 127 с.
3. Bastert U. Modalpartikel und Lexikographie. Eine exemplarische Studie zur Darstellbarkeit von doch im einsprachigen Wörterbuch. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1985. - VII. - 150 S.
4. Dahl J. Die Abtönungspartikeln im Deutschen mit einem kontrastiven Teil: dt.-serbokroat // Deutsch im Kontrast. - Heidelberg: Groos, 1988. - Bd. 7. - 315 S.
5. Görnik-Gerhard H. Zu den Funktionen der Modalpartikel schon und einiger ihrer Substetuentia. - Tübingen, 1981. - 141 S.
6. Helbig G. Lexikon Deutscher Partikeln. - Leipzig: Enzyklopädie, 1990. - 258 S.

Список источников примеров

1. Spectaculum 22. **Moderne Theaterstücke.** Suhrkamp Verlag. - Frankfurt am Main, 1975. - 300 S.
2. Wolf F. Dramen. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1976. - 467 S.
3. www.ids-mannheim.de

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПОЗИЦИИ ТЕКСТА АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК ДЖ. К. РОУЛИНГ

Солодова Е. С.

Севастопольский национальный технический университет

В данной статье анализируются лингвокогнитивные особенности композиции современной английской авторской сказки на материале произведений Дж. К. Роулинг. Лингвокогнитивный подход к исследованию композиции дает возможность установить характер соотношения между содержанием, смыслом текста сказки и его вербальным воплощением.

Актуальность работы обусловлена той популярностью, которую приобрели сказки английской писательницы Дж. К. Роулинг во всем мире, повышенным интересом к изучению постмодернистских текстов в целом и сказки в частности, а также общей тенденцией к комплексному исследованию языкового явления с целью объяснения его формального, содержательного и смыслового аспектов. Эта тенденция проявляется и в когнитивной поэтике - теории текста, в которой проблема взаимодействия между языком и мышлением решается путем интерпретации художественных текстов через выявление и объяснение креативных механизмов создания скрытых смыслов при помощи экспликации их концептуального содержания, а также через выделение особенностей композиционной организации художественного текста.

Для описания композиции текста сказок нами сформулирована **рабочая гипотеза**, согласно которой композиция любого художественного текста, сказки в том числе, понимается как способ организации текста, который обеспечивает единство его формы, содержания и смысла. Вследствие этого композиция рассматривается как лингвокогнитивный конструкт (construal), включающий композиционно-сюжетную струк-